

Вместо предисловия

Вы не читали книги Даррелла? А я читал. Если бы не читал, то ничего бы и не произошло. А я вот прочитал, и произошло. Что же произошло? Да, в общем, ничего такого. Прочитал и думаю: дай-ка письмо Дарреллу напишу — мол, книги ваши понравились, особенно про животных, спасибо вам, пишете еще. Ну написал и написал, но с другой стороны, мог ведь и не написать...

А он мне взял да и ответил (через секретаря, конечно) — мол, спасибо за пожелания, обязательно буду писать дальше, раз вы просите. Не хотите ли приехать ко мне в зоопарк, поучиться?

Так я попал на остров Джерси, а ведь мог и не попасть...

1

На кормокухне Элунед, под начало которой я попал, рубила апельсины. Раз! Нож с чмоканьем врежется в апельсин. Два! Разрубленный фрукт катится в ведро, обливаясь желтыми слезами.

— Сейчас пойдем кормить варей, — сказала она.

— Каких Варей? — удивился я.

— А ты их не видел? Они вместе с каттами живут. Только вари катт все время по клетке гоняют.

Страшную картину нарисовала Элунед.

— Вы держите в клетках людей?

— Каких людей? Люди у нас, как положено, по дорожкам ходят и бумажками мусорят. В клетках — звери и птицы.

— А Вари? А Кати?

— Так они не то что не люди, они даже не обезьяны!

— А кто же?

— Полуобезьяны, или, говоря проще, лемуры. Не хочешь ли ты помыть айву?

Я бросил айву в раковину и стал ее мыть. От этого на кормокухне поднялся такой звон, будто бы я намывал пушечные ядра.

— Затем пару бананов, штуки три огурцов и несколько морковок. Только не мельчи. Бери покрупнее.

Я стал выбирать огурцы и морковку покрупнее и в итоге выбрал такие огромные овощи, что с ними можно было идти на врага. В ведро они не поместились и выглядывали оттуда, как солдаты из окопа.

— Помыть и порезать?

— Точно.

— Какой студент толковый! — удивился парень по имени Доминик, который тоже что-то мыл в соседней раковине. — Вот у меня прошлый год один студент был, сначала резал, а уж потом мыл. Он из одной жаркой страны приехал. «Зачем, — говорит, — мыть? Мы на родине никогда ничего не моем».

— Почему?

— Табу. Им религия водой пользоваться запрещает. Они считают, что в воде злые духи живут.

Помыв и нарезав что следует, мы отправились к Варям, которые вроде бы жили вместе с Катями.

Мы прошли вдоль клумбы с фиалками, миновали заросли бугенвиллий, обогнули давно отцветшую сирень и остановились у куста жасмина.

— Как у вас цветов много! И какие разные!

— Это Джон Хартли все. Как за границу поедет, обязательно какие-нибудь новые цветы привозит.

«Они, — говорит, — напоминают мне о наших иностранных проектах». Если он еще пару проектов организует, ходить будет негде.

Вскоре мы очутились в какой-то незнакомой мне части зоопарка. Тут имелись шири и даже просторы. — А зоопарк-то, оказывается, немаленький!

— Администрация соседнее поместье прикупила. Хочет там суперпроект сделать: «Панорама бразильской фауны». А вот, кстати, и варя!

Мы стояли перед железной сеткой, а из-за нее на нас смотрела неприятная хитрая морда.

«Любопытной Варваре на базаре нос оторвали» — вспомнил я.

Черная как ночь, она глядела глазами желтыми, как молодая луна. По этим желтым глазам совершенно ясно читались мысли, наполняющие черную голову. Конечно, они были черными.

— Это Бандерша, — сказала Элунед, — вожак стаи.

«Главная Варя» — понял я.

Перед большой клеткой, в которой обитали Вари, находилась другая, совсем маленькая. Formой и размерами она напоминала лифт.

— Это тамбур, — сказала Элунед, закрывая наружную дверь и открывая внутреннюю, ведущую в вольеру. — Он предохраняет от бегства животных.

— Понятно, — сказал я. — Как интересно.

Едва мы появились в клетке, черная морда задвигалась, сморщила нос и стала нюхать мои ботинки. Затем вдруг поднялась на задние лапы и сильно дернула передними за карман комбинезона.

— Чего это она, а? — я отодвинулся к сетке. — Нападает, что ли?

— С ней надо быть покруче, — сказала Элунед и замахнулась на Бандершу ведром.

Почувствовав твердую руку, Бандерша откатилась в глубину и стала собирать банду. Из-под кустов, с деревьев, из зарослей травы к ней стягивались другие черно-белые разбойники.

Лемуры вари были красивы. Каждый волосок их пятнистых шуб стоял отдельно и сиял как солнце. Видно было, что над этим мехом хорошо поработали языком.

На лемурьих затылках сидели мохнатые шапки-ушанки. Уши их не были завязаны под подбородком и лихо торчали в стороны. Одно слово — бандиты.

Со свистом, с улюлюканьем налетели они на нас. — Кидай в них апельсинами! — скомандовала Элунед и первая метнула в черно-белую толпу оранжевый фрукт. Половина апельсина оказалась эффективней целой лимонки.

Банда, пораженная апельсином в самое сердце, закружилась на месте и задергалась, хватая очаг поражения когтистыми лапами.

Из-за фрукта началась свара. Черные лапы стали бить по черным мордам. Засверкали белые зубы. Показались краснейшие языки.

— Разбрасывай скорее еду! Половины апельсина надолго не хватит!

И верно. В тот же момент из центра свары вынырнула Бандерша. В челюстях ее, словно золотой кубок чемпиона, горел апельсин. Она клацнула зубами, высосала мякоть и плюнула кожурой в родственников.

Оплеванные бандиты, поняв, что больше апельсинов нет, ринулись к нам.

Мы отстреливались яблоками, айвой и морковью. Наибольший урон врагу нанесли бананы. Враг, съедая мякоть, скользил на кожуре и буксовал. Атака захлебнулась.

— Без бананов сюда даже не входи.

— Я бы и с бананами не пошел, — ответил я. — Как же Кати с ними живут? Чем отстреливаются?

— Им отстреливаться нечем. У них вся надежда на скорость.

— Тяжелая какая жизнь.

— Нелегкая. Бери ноги в руки. Надо катт покормить, пока вари отвлечены.

Слева от нас был склон, справа пруд, между ними дорожка. По ней мы и побежали. Мы подпрыгивали на кочках, яблоки прыгали в ведре. Мысли в голове тоже прыгали, как шары в лотерейном барабане.

«Что ж это за жизнь? — думал я. — Есть, только когда твой враг ест. Убегать, когда враг прибегает. Разве это жизнь? Прозябание какое-то».

Скользя на сырой земле, оставляя на ней длинные борозды, мы поднялись на холм. Здесь стояла клетка, и на ней плечом к плечу сидел отряд кольцежвостых лемунов. Видно было, что общая беда сплотила их коллектив. Иногда они вставали и, примякивая, наблюдали, не закончил ли враг трапезу? Не хочет ли напасть? Тут-то я понял, что это не Кати, а катты — что в переводе с языка древних римлян означает «кошачье».

Но ничего, совсем ничего кошачьего в их облике не было. Хотя нет, было какое-то общее неуловимое кошачье впечатление.

— Чего задумался? Кидай остатки на клетку!

Элунед махнула ведром, будто хотела выплеснуть из него воду, и в лемунов полетела пища: яблоки, огурцы и бананы.

Катты хватали фрукты и овощи на лету, как знаменитый вратарь Яшин. Не прекращая наблюдать за местностью, они культурно откусывали по кусочку и словно бы негромко совещались друг с другом:

— Не виден ли враг, товарищ лейтенант?

— Никак нет, товарищ сержант, не виден. Кушайте спокойно.

Катты были аккуратнее, хрупче варей и в миллион раз интеллигентней. Именно за это последнее им и доставалось. Хапуги и хулиганы не любят интеллигентов, поэтому интеллигентам приходится избегать встреч с грубиянами. Они, конечно, могли бы задавить противника интеллектом, но им жалко изводить умственную энергию на такую ничтожную цель. Убегут от хапуг, залезут на дерево и давай думать о вечном, о прекрасном.

Грудь катт украшает белая салфетка, но на ней нет ни следа от съеденной пищи. Глаза их охватывают черные очки, а лапы — лайковые перчатки. Салфетка, очки, перчатки — это ли не верный признак интеллигента? Он никогда не наденет вздорной шапки-ушанки и пошлой черно-белой шубы. Разве что в очень сильный мороз.

Но вот где-то позади нас раздался хруст веток и треск сухой древесной коры. Шум усиливался так быстро, что стало ясно: скоро ветки и кора будут трещать рядом с нами.

Катты побросали недоеденные овощи-фрукты и прыжками, прыжками, словно огромные серые

белки, стали возноситься на деревья. Их белые хвосты, обвитые черными кольцами, напоминали пограничные столбы, которые отступали вместе с пограничниками. А банда варей была похожа на оккупантов, которые безуспешно пытаются нарушить постоянно ускользающую границу.

Неприятно хрюкая и визжа, они старались добраться до катт, но тонкие ветви не выдерживали их грузных тел. Ветви ломались, и вари, махая шубами и переворачиваясь в воздухе как кошки, летели в траву.

И приземлялись они сразу на четыре лапы.

Уничтожив последние огурцы и заключительные яблоки, вари некоторое время громко сквернословили, а затем удалились, волоча животы по траве, приминая ее грубыми дубинообразными хвостами.

2

Вслед за варями двинулись к выходу и мы. Теперь нам не нужно было торопиться, и я смог подробнее рассмотреть загон, который, к слову сказать, назывался «Лемурий край». Но, на мой взгляд, ничего лемурьевого в этом краю не было. Лемуры сидели на совершенно английских дубах и среди желудей выглядели неуместно. Желуди и лемуры — есть ли более несовместимые предметы? Нет, нет, не складывались эти деревья, трава и земля в пейзаж южного острова Мадагаскар — родины лемуров. Да и могучим словом «край» это место назвать нельзя. Скорее — уголок.

Углом, широким клином охватывала сетка-рабица правый берег пруда. В центре небольшого водоема находился остров, напоминающий панцирь морской черепахи. Над ним поднимались какие-то

треноги, похожие на опорные столбы электролинии. Но вместо проводов на треногах висел толстый крученный канат. Точно посреди панциря стояла хижина. Наверное, в такой когда-то жил знаменитый Робинзон Крузо. Но, если бы эта постройка действительно принадлежала отважному герою, ему незачем было бы сидеть двадцать восемь лет на острове в ожидании корабля. От большой земли остров отделяло не более десяти метров воды.

«Для кого же построена хижина? — удивился я. — Обитаем этот остров или нет?»

Вдруг на острове раздались плач и крики. В криках слышалась угроза, в плаче — мольба о пощаде. Видимо, там кто-то кого-то бил. Тут из хижины вылетел рыдающий карлик и залез на треногу. Волосы у него на голове стояли дыбом. Затем появился карлик кричащий. Он залез на другую треногу и стал оттуда в чем-то упрекать своего плачущего собрата. Удивительно, но и у второго карлика волосы на голове стояли стеной — наверное, от ярости. Я видел, что его рыдающий соплеменник находится на грани срыва — то ли его предали, то ли бросили. И судя по всему, предал и бросил именно тот, кто упрекал. Бросил, предал, а теперь упрекает! Какой цинизм! Какое холодное равнодушие! Плачущий в отчаянии вполне мог броситься в воду или сделать с собой что-нибудь еще более ужасное. Передо мной разыгрывалась настоящая человеческая драма.

Но оба карлика были обезьянами со странным названием эдиповы тамарины. Конечно, от этого их беда не казалось менее значительной. Нет-нет!

Хотелось помочь им, успокоить вопящего, указать на ошибки кричащего.

Вдруг крики стихли. Рыдающий тамарин побежал по канату навстречу кричащему. Кричащий бросился к рыдающему. Они встретились точно в центре, обнялись, прослезились и пообещали никогда больше не предавать и не бросать друг друга.

Мы давно уже вышли из вольеры варей и глядели на остров с дорожки, стоя среди прочих посетителей.

— Разобрались, что ли? — сказал какой-то джентльмен. — Слава Богу!

— Стресс! Какой сильный стресс! — то ли огорчилась, то ли восхищалась высокая леди. — Им нужна помощь психолога!

Мы с Элунед обогнули пруд и снова оказались перед тамбуром. И опять за сеткой появилась чернейшая морда с глазами цвета яичного желтка.

— Сколько же здесь всяких морд! — удивился я.

— Четырнадцать. В этой клетке четырнадцать. И с той стороны пруда четырнадцать. Всего двадцать восемь.

— Двадцать восемь морд и ни одного лица! Какой ужас!

Обитающие в этой вольере вари были одеты в пошлые лисьи шубы. Глупо и странно выглядела собачья черная морда в обрамлении лисьего воротника. Или ты лемур, или лиса. Надо выбрать что-то одно. Но лемуры с собачьими мордами выбирать не хотели, они хотели совсем другого.

— Лопайте, лопайте, — приговаривала Элунед, разбрасывая яблоки и бананы. — Трескайте.

Лемуры ели много, но ни трескаться, ни лопаться не собирались.

И в этой вольере вместе с варьями жили катты. Они ничем не отличались от родичей с правого берега. Но жизнь у них была, несомненно, труднее, потому что деревьев, на которых можно укрыться от варей, тут было куда меньше.

Значительную часть дня катты отсиживались в старом покосившемся сарае, что стоял на берегу и был похож на человека, собирающегося нырнуть в воду.

Когда, наконец, рабочий день завершился, я отправился в усадьбу Ле Ное, где жили все студенты. Проходя по кленовой аллее, я вдруг заметил, что на деревьях уже не осталось ни одного листа, и удивился тому, как быстро пролетело время со дня моего прибытия на Джерси. Я вспомнил, как долго, наверняка долго добирался до острова и какое облегчение почувствовал в Лондоне, когда понял, что мне осталось сделать последний из четырех перелетов, чтобы добраться до места учебы.

3

Я стоял в аэропорту и смотрел на рекламу с изображением острова Джерси.

На плакате он был похож на пирог, который откусили сразу с нескольких сторон. Я немало удивился, узнав, что этот северный остров славится своими курортами.

Неожиданной новостью было и то, что Джерси — это отдельное государство. Со своим парламентом и собственной валютой. Главный на острове — бейлиф. На заседаниях парламента бейлиф появляется со скипетром. Надо заметить, что это один из самых больших скипетров в Европе. Его когда-то подарил острову король Карл, в благодарность за то, что джерсийцы укрыли его во время лондонского мятежа. Это время, надо думать, король не терял даром. Он хорошенько позагорал, укрепил здоровье

морскими ваннами и, вернувшись в столицу, сразу навел в стране порядок.

А рядом с Джерси есть другой остров – Гернси. Это тоже отдельное государство.

Я закинул сумку на плечо и направился на паспортный контроль.

4

Через полчаса после вылета из Лондона лайнер завалился набок и поплыл над Джерси. Не прекращая горизонтального движения, он стал плавно снижаться. Едва шасси самолета коснулись земли, царящая в салоне атмосфера солидного покоя мигом исчезла. Леди и джентльмены передо мной мелко затряслись, вдруг нырнули вперед, будто бы пытаясь порвать свои привязные ремни, и наконец дружно откинулись на спинки.

К нашему лайнеру подъехала желтая машина, зацепила его длинной железной палкой и потащила к зданию аэропорта.

– Мадам и месье! – объявил стюард. – Наш самолет произвел посадку в столице острова Джерси – Сент-Элье. Благодарим вас за то, что вы отдали предпочтение именно нашей авиакомпании. Надеемся, что